

Юрмала. Встречи с В.А.Успенским

Однажды, вернувшись на летние каникулы в Юрмалу, я застал у нас на даче Владимира Андреевича Успенского. Я видел его уже за год до этого, мы познакомились, но разговоров особых как-то не случилось. А тут он мне улыбнулся, как родному, и узнав, что я вернулся из Ленинграда после сессии на матмехе, спросил:

– Женя, хотите задачу?

– Нет, – честно сказал я.

– По логике, Женя, по логике.

Это был удар ниже пояса. Значительно ниже. Логику у нас в Универсе читал, а вернее мучил, Святослав Сергеевич Лавров, учебником был «Мендельсон» – тоже не боевик, в общем я ее тихо ненавидел.

– Нет, точно нет, -- сказал я.

Владимир Андреевич был заведующим кафедры логики МГУ, учеником Колмогорова, замечательным ученым. Он оценил мою шутку и сказал:

– Значит так, Женя, задача такая...

Лицо у Успенского вдруг стало серьезным. Похоже, не увернуться и, похоже, буду я выглядеть идиотом. Ну, не в первый раз.

– Как вы считаете, коммунизм возможен? Это настоящая задача по логике, и вот вам подсказка – воспользуйтесь формальным определением коммунистического общества.

Ничего умнее, чем «Сидит баба на печи, у ней в попе клизма, бродит призрак по Европе, призрак коммунизма» мне в голову не приходило. Но Успенский явно имел в виду что-то другое.

– Думайте, Женя, думайте, – сказал Владимир Андреевич.

– Я есть хочу, можно, я сначала поем?

– Конечно, – Успенский не отступал, – конечно, поешьте, это как раз связано с решением задачи.

Не увернуться, не выйдет. Вот ведь... Вспомнился старый анекдот. Человек идет по лесу. Над ним пролетает воздушный шар с людьми. «Где мы?» – кричат оттуда. «На воздушном шаре» – отвечает человек. Вопрос: кто он по профессии. Конечно, логик – его ответ абсолютно верный и совершенно бесполезный.

– Не знаю, – честно сказал я. – Если задача по логике, то не знаю.

– Ну как же, – сказал Успенский, – это просто. Формальное определение коммунизма: это общество, где от каждого по способностям, каждому по потребностям. Эта аксиома задает теорию. Как вам должно быть хорошо известно, теория непротиворечива, если она имеет хоть одну модель. Есть модель у этой теории, как вы считаете, Женя?

Я тупо смотрел в одну точку. Что он имеет в виду?

– Конечно, есть, – продолжал Успенский. – Одна модель точно есть, это кладбище, – серьезно сказал Успенский и сразу, без перехода, залился смехом. – Одна точно есть, – повторил он. – Значит, по известной вам теореме коммунизм возможен.

Я был в легком обалдении. «А ведь он прав» – подумал я. И кажется, впервые логика как наука стала мне нравиться. Так и пошло, на всю жизнь.

Периодически отдыхающие в Юрмале математики собирались все вместе. Народу на этих посиделках всегда было много. Обсуждали все подряд. Политику, погоду, перспективы развлечений. И, конечно же, все интересовались будет ли ежегодная поездка на автобусе. Это был гвоздь летней программы. Папа договаривался об автобусе. Как правило удавалось достать большой «Икарус», человек минимум на тридцать. За сезон бывали одна—две поездки. Иногда однодневные, но как правило на два или три дня. Маршрут, программа, вся логистика экскурсий всегда были на мне. Родители оповещали о поездке всех, кого могли, полный автобус собирался очень быстро. Ездили по Латвии, Литве, Эстонии, в Калининград, в Пушгоры, в Псков-Изборск. Было очень душевно.

Я сейчас думаю, насколько все-таки приоритеты людей в то время отличались от теперешних реалий. Бытовые удобства играли явно второстепенную роль. Атмосферу удовольствия создавало само коллективное движение, меняющиеся пейзажи и новые впечатления. Некий налет авантюриности всего мероприятия делал его еще более привлекательным. Компания была крайне демократическая. Все - от академиков и профессоров до моих одноклассников - были в одной упряжке.

В одной из поездок мы оказались в небольшом эстонском городке. Оставили автобус на центральной площади и отправились гулять по городу мимо небольших прибалтийских домиков. Шли по улицам, Лев Аркадьевич Калужнин как всегда все сравнивал с Германией, по-моему даже кусты напоминали ему образы молодости. Очень похоже, говорил он - только грязнее и скромнее.

Вдруг от одного из домов, прямо от входа, отделилась женщина и кинулась к нам со словами «помогите пожалуйста!». Все остановились. «Что случилось?» спросил папа. Помогите пожалуйста, повторила женщина, я не могу открыть дверь, заело замок. В двери действительно торчал ключ. Общими усилиями нескольких профессоров математики замок все же открыли. Все чувствовали себя настоящими мужчинами. Лишь Владимир Андреевич Успенский задумчиво стоял в стороне. Когда мы немного отошли от дома, он остановился и спросил: «А откуда следует, что это ее дом?».

В другой раз мы приехали в Вильнюс. Папа договорился с Ионасом Кубилюсом, ректором Вильнюсского университета, о том что весь автобус пустят переночевать в университетское общежитие. С Кубилюсом они подружились в середине 50-х когда оба примерно одновременно защищали докторские диссертации. Нам выделили все что могли, несколько комнат с кроватями, и спортивный зал. Дело было в середине 80-х, роскошные условия по тем временам. Правда кроватей на всех не хватало, только на узкий слой профессоров, профессорских жен и мелких детей. Остальные спали на полу, между кроватями. Наша семилетняя дочка Юля хотела обязательно к нам, на пол. А ее естественно отправляли на кровать, где теплее и лучше. Владимир Андреевич какое-то время наблюдал за этой душераздирающей сценой, потом тихонько отозвал мою жену Таню в сторону и сказал: «Таня, послушайте пожалуйста. Когда я был маленьким, родители пошли в кино, а

меня оставили дома. Я очень хотел пойти с ними, но мне не разрешили. Прошло очень много лет, но я до сих пор это помню. Разрешите Юле спать на полу...»